

СЕНАТОРЫ 1730-х гг. В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье анализируются персональный состав Сената и политика по отношению к нему на всем протяжении 1730-х гг. То и другое оценивается с точки зрения реконструкции действующих тогда правовых норм, которые сложились в предшествующее десятилетие. В итоге делается вывод, что уникальное совпадение опирающихся на петровские начала ожиданий верховной власти и сформированных в петровское же время личных качеств аннинских сенаторов создает предпосылки для пересмотра традиционных представлений о месте образуемого ими учреждения в истории периода.

Ключевые слова: Верховная власть, «внутренние дела», правительство, Сенат, сенаторы, управление.

Многочисленные описания Сената царствования Анны Иоанновны (1730–1740) и неотрывного от него регенства при императоре-младенце Иоанне Антоновиче (1740–1741) в своих оценках сводятся к тому, что 1730-е гг. были временем «падения» этого высшего с 1711 и до 1917 г. учреждения империи. Вместе с тем его архивное наследие, на которое и опираются научные знания об эпохе, количественно сравнимо с двадцатилетним елизаветинским, а качественно являет собой самое полное и последовательное отражение всех процессов в жизни страны.

Та же парадоксальность свойственна и представлениям о Сенате XVIII в. вообще, в изложении истории которого монографии и университетские курсы как будто подражают истории древнеримского Сената с чередой его возвышений и упадка. Мирно уживаясь с описаниями сквозь призму главным образом судебного профиля российского Сената XIX–начала XX вв. в лучших энциклопедиях и тиражируемые в литературе и искусстве образами сонма награжденных за прошлые достижения дряхлых старцев. Настоящая статья, разумеется, не претендует на слом укоренившейся традиции путем открытия неких сенсационных фактов или критики переходящих из работы в работу ошибок. Ее цель – конкретизировать никем не оспариваемое положение о центральном месте Сената в государственном аппарате 1730-х гг. на основе обращения к назначениям и отчасти биографиям членов в сопоставлении с выраженным в законодательстве пониманием их «должности».

По возможности не вступая в споры о перспективах предложений о Сенате, выдвигавшихся в событиях января–февраля 1730 г. вокруг «конституции» и воцарения Анны Иоанновны как самодержавной императрицы, все же не обойти теснейшей связи с ними «определения» его Манифестом 4 марта «для правления... на таком основании и в такой силе, как при... Петре Великом». Соответствие его деклараций требованиям дворянского большинства «сочинить вместо Верховного тайного совета и Высокого Сената один Правительствующий Сенат» с наполнением «21 персоною» широко известно вместе с игнорированием его установки на сословную выборность данных «персон»¹. Неопровержимы также «разнопартийность» первых аннинских сенаторов, почти поголовно участвовавших в движении за ограничение монаршей власти на стороне его инициаторов или противников, их принадлежность либо к виднейшим сановникам, либо к

* **БАБИЧ Марина Виленовна** — доктор исторических наук; г. Москва, Россия; mbabich1@yandex.ru.

¹ Полное Собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 8. № 5 510; Опись именным высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII в. / Сост. П. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. № 3 721; Филиппов А.Н. Правительствующий Сенат в царствования Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича // История Правительствующего Сената за двести лет, 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 1. С. 482–484.

«рядовому» генералитету и быстрое сокращение их совокупного числа почти вдвое при спорадических заменах выбывавших впрямь¹.

Однако за рассуждениями об утрате Сенатом шансов на превращение в самостоятельную политическую силу еще до образования осенью 1731 г. «над» ним Кабинета министров (официально – Кабинета е. и. в.) и превращении взамен в характерное для самодержавного правления сугубо бюрократическое учреждение обычно забываются не менее однозначные факторы. Прежде всего – единодушное восприятие Сената как символа и в то же время залога прочности свершений Петра, своего рода клятва верности и готовности хранить, которые отчетливо звучит в цитированных документах, в той или иной форме повторяясь при переменах на престоле до конца столетия.

Правда, каждая из сторон проявляет и склонность трактовать петровские догмы в свою пользу: одна апеллирует к широко внедряемым в 1710-е гг. «баллотировкам» военных и статских служащих, хотя сенаторов-то император всегда ставил сам; другая якобы в предотвращение несправедливостей «в каком государственном или партикулярном деле» тех, чьим «указам да всяк будет послушен», по сути, отменяет норму 1718 г. о запрете бить челом на сенатские приговоры². Подобное тоже повторялось, пожалуй, ярче всего в знаменитом «Наставлении» Екатерины II генерал-прокурору кн. А.А. Вяземскому, где утверждалось, что «Сенат установлен для исполнения законов, ему предписанных, а он часто выдавал законы, раздавал чины, деньги, деревни, одним словом – почти все, и утеснял прочие судебные места в их законах и преимуществах»³.

Отрицая неоднократно оговоренные Петром полномочия издания законодательных актов и безошибочно выделяя из типичных сенатских «дел» те, которые (касательно бюджета, штатов, землевладения) и сообщали ему определенную степень высшей власти, Екатерина не только подчеркивала безраздельность собственных прерогатив на выражение государственной воли. В контексте ее дальнейших преобразований «секретнейшее» выступление против освященной Генеральном регламентом 1720 г. системы управления знаменовало начало ее кардинальной реорганизации, главный вклад в которую внесла губернская реформа 1775 г., но неотъемлемой частью которой было и разделение в декабре 1763 г. Сената на 4 петербургских и 2 московских департамента по предложению гр. Н.И. Панина.

Напрашивающаяся аналогия с последним «росписи» по 5 департаментам аннинских сенаторов 1 июня 1730 г. по предложению гр. А.И. Остермана показывает, что логика развития петровской государственности предусматривала и такой путь⁴. Тем не менее от идеи вменить членам юридически единого собрания подготовку «мнений» по порученным отраслям административно-судебного регулирования, которые выносились бы на совместное слушание только к «полному решению» (читай, утверждению), пришлось отказаться уже к февралю 1731 г.⁵ В объяснение этого⁶ выдвигались соображения о пассивном сопротивлении среды как естественной в условиях неустойчивости режима реакции на изменения привычного уклада, о беспочвенности

¹ Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 485–488; Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны. Формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 г. СПб., 2001. С. 39–41, 43–47, 51–57, 59–62; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерк политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 225–227.

² ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 5. № 3 261.

³ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел 1744–1796 / Собр. и изд. П.П. Пекарский. СПб., 1871. Т. 1. С. 347.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 8. № 5 570, 5 606; Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 594.

⁵ Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 593–595; Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 52–53, 90.

⁶ В оценке крупнейшего исследователя эпохи Н.Н. Петрухинцева, реформирование Сената было частью внутривластного программы нового правительства. См.: Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 69–77.

предписаний о подприсутствиях из «4–5 сенаторов» при продолжающемся сужении присутствия общего и самой сложности «канцелярского» вопроса, куда докладывать о проблемах, надлежащих «по силе дел в разные департаменты».

Добавим также, что и закрепление за ними состоявших в Сенате особ не отвечало ни их обнаруженным до и после объективным дарованиям, ни субъективным устремлениям, ни другим осознанным в июне 1730 г. задачам. Например, кн. Д.М. Голицын кажется способным руководить финансами как президент Камер-коллегии 1718–1722 и председатель Комиссии о подати в 1727–1730 гг. Но при утрате недавнего влияния, репутации вождя аристократической оппозиции и даже непрерывных с начала 1730-х гг. болезнях он едва ли мог возглавить актуальнейшее тогда направление правительственной деятельности (ведущим идеологом которого вскоре станет обер-прокурор Сената А.С. Маслов)¹. Фельдмаршал кн. В.В. Долгорукий и из-за включенности в опальный клан, в декабре 1731 г. вылившейся в арест и заточение, и из-за ослабления связей с военной элитой за годы предыдущей ссылки (1718–1724) и командования в «персидских провинциях» (1726–1728) даже в президентах Военной коллегии не был вовлечен в осуществлявшиеся как раз в 1730–1732 гг. нововведения в армии.

В товарищах же его по департаменту «военных сухопутных и морских дел» признать сведущих в состоянии ведомства экспертов еще сложнее. Кроме заслуг в восстановлении самодержавия генерал-майор кн. А.И. Шаховской мог предъявить преимущественно представительство имперских интересов в Малой России, с которой с декабря 1732 г. и переплелась опять его карьера. Что касается бесспорно выдающегося гр. П.И. Ягужинского, то его вплоть до удаления (по убеждению и современников, и потомков) из столицы в ноябре 1731 г. на дипломатическое поприще занимали не «воинские непорядки», которые он громко обличал в феврале 1725 г. И не возвращенное 2 сентября 1730 г. «покамест» прежнее (1722–1726) кресло генерал-прокурора², а Конюшенный и Сибирский приказы и, главное, личное упрочение на вершине властных структур.

Как и самого А.И. Остермана, которому с укреплением своей лидирующей позиции неизбежно пришлось снизить уровень увлечения экономической проблематикой, хотя он не бросил Комиссии о коммерции 1726–1733 гг. и «записал» за собой торгово-промышленный департамент. Неудивительно, что департаменты «юстицкий» и церковный, который не попал в перечень «государственных дел» Генерального регламента (в расчете на запланированный Духовный регламент 1721 г.?), по чинам, служебному прошлому и общественно-политическому весу своих членов получились идентичными. В одном фельдмаршал кн. И.Ю. Трубецкой, генерал-аншеф и л.-гв. подполковник А.И. Ушаков, генерал-майоры кн. Г.А. Урусов и С.И. Сукин. В другом, чья номинальная приоритетность подкреплялась введением канцлера гр. Г.И. Головкина, неизменно приглашавшегося на почетнейшие места как ближайший сподвижник Петра (нигде себя уже активно не проявляя), – генерал-аншеф (нынешний московский губернатор) Г.П. Чернышев и генерал-майор (бывший белгородский губернатор) кн. Ю.Ю. Трубецкой.

В завершение сюжета о необъявленном угасании департаментов заметим, что содержание и особенно пределы компетенции высших должностных лиц относились к категории «дел», о которых несомненно избегали публиковать «во всенародное известие». Возможно, отдельно помня о чуть не закончившемся «революцией» правлении Верховного тайного совета, уже при учреждении которого 8 февраля 1726 г. отважились

¹ Приведенные здесь и далее биографические сведения опираются, наряду с общедоступными, на архивные и печатные данные, частично представленные в научных публикациях автора в течение последних десятилетий. В настоящей статье ссылки на использованные материалы ввиду их множественности опускаются.

² С его отъездом не занятое до апреля 1738 г. См.: Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 601–603.

говорить, что Петр «изволил определить правительство Сената... из... знатнейших и поверенных персон» для «правления государственных внутренних дел»¹. А 8 марта 1726 г. вернуться к зафиксированным в декабре 1718 г. и 27 апреля 1722 г. статьям «должности» Сената, уточнив, что сенаторы работают «по указам, Уложению и государственным правам», донося в Совет, когда «такое дело случится, на которое нет ясных указов или какое новое и весьма важное, которое собственному нашему решению подлежит»².

Теперь не допускалась и столь сдержанная квалификация обязательных к докладу е. и. в. «дел», не попав ни в именной указ от 18 октября 1731 г. об открытии Кабинета «для порядочного отправления всех государственных дел, которые к собственному нашему определению и решению подлежат»³, ни в другие акты о взаимном положении и «сношениях» обеих инстанций. А свыше 70 постановлений 1730-х гг., учтенных в «Полном собрании законов» как имеющие в виду Сенат и сенаторов⁴, за вычетом перечисленных и затрагивающих разбираемый ниже случай московского отделения, не выступали за рамки усовершенствований в расписании сенатских «съездов», устройстве канцелярии и т. д.

Подконтрольность Сената кабинет-министрам, формально лишь «отправляющим дела» по высочайшим резолюциям на их донесения, детально выяснена в историографии, пока подмена (с точки зрения будущих, начиная с Екатерины II, критиков российской державности образца XVIII в.) законности соблюдением бюрократических правил еще ждет своих исследователей. Но ни сосредоточение на внешней обрядности, ни даже вторичность партии в изменившейся с появлением Кабинета комбинации распределения ведущих властных функций не означали автоматически, что Сенат устранился от прежней роли, а его состав уподобился другим носителям тех или иных рангов по Табели 1722 г. Туда, впрочем, сенаторы так и не были внесены. Как и их собранию, в противоположность находящимся в его «дирекции» «коллегиям и канцеляриям» и собственно сенатским канцеляриям и конторам не был дан штат⁵.

Были ли последние обстоятельства обусловлены не чуждой и Петру осторожностью в комментировании понятия помощи, так или иначе оказываемой государю в «управлении... государственных своих дел», почему и из «должности» в издании 1722, «уничтожашем» ее издание 1718 г., исчезла максима, что «Сенат собирается вместо присутствия его величества собственной персоны»? «Должность» же там и тут описывалась в основном посредством не «что», а «как» (вступают «дела», поочередно учиняются предложения, мнения «в доклад» и т. п.) и даже ее цель не фигурировала в формуляре раскрывающих ее указов, лишь косвенно упоминаясь в распоряжении о надзоре за исправностью сенаторов⁶? «Резоны» законодателя при этом документально не прописаны, но сказанное позволяет достаточно уверенно заключать, что, во-первых, близость подхода к обозначению степени и пространства власти государя и Сената выводила таковой из круга «подчиненных» органов, а сама неопределенность «прав» гарантировала их неограниченность (по обратному сегодняшнему постулату запрещенности неразрешенного, вследствие которого все учреждения и относились в Сенат по любому вопросу, если о нем молчали «пункты» их регламентов и инструкций).

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 7. № 4 830.

² Там же. Т. 5. № 3 264; Т. 6. № 3 978; Т. 7. № 4 847.

³ Объявлен Сенату 6 ноября. См.: Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Собр. и изд. А.Н. Филипповым. Юрьев, 1898. Т. 1. С. 1–2; Опись именованным высочайшим указам... № 4 059.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 42. Ч. 2. С. 864, 871–872.

⁵ Там же. Т. 44. Ч. 2. № 4 659.

⁶ Там же. Т. 6. № 3 721.

Во-вторых, пост сенаторов, не числясь в Табели 1722 г., не перерос в чин, куда заметнее выделяя их из «рангованных» служащих, чем суд над ними в специально создаваемых институциях, первенство перед «генералитетом, флагманами, коллежскими президентами и членами» при собраниях почему-либо их представителей или привилегий в охране жилищ. И, в-третьих, санкционированная в результате исключительность довольно надежно защищала от легальных новаций. Само собой, не мешая и упорядочиванию сенатского статуса сообразно вызовам момента без прямого нарушения заветов Петра.

Так, еще при Екатерине I обратили внимание, что он не стал придерживаться заявленного в 1722 г. увязывания сенаторства с чинами одних «тайных» советников, облегчив тем самым преемникам быстрый выбор из «знатных и поверенных персон» по своему усмотрению. И выстроили, далее, на этом доказательство повышения обоюдной эффективности при переводе государевых «советников» в отдельный Совет, пока в Сенате, как при его рождении, будут «не отлучны» те, кто «никакого другого дела не имеет»¹. При Анне Иоанновне на торжественно отмененные указы 1726 г., понятно, не ссылались, но дарованным ими принципом отбора в сенаторы из «знатных и поверенных» пользовались изначально. А формируя Кабинет, точно скопировали с обращения некогда в «верховники» кн. А.Д. Меншикова, его соратников и соперников обращение в постоянные «министры» из сенаторов, вслед за Г.И. Головкиным, А.И. Остермана и действительного тайного советника кн. А.М. Черкасского, который единственным из новых коллег мирно закончит дни в Сенате Елизаветы Петровны. Более того, в 1730-е гг. Сенат впервые приобретет, так сказать, профессиональность. Хотя выразится это не столько в «безотлучности» в смысле освобождения от других обязанностей, которых по переезде двора на рубеже 1731–1732 гг. в Петербург не обрели только Д.М. Голицын, Ю.Ю. Трубецкой и скоро смещенный С.И. Сукин, сколько в несменяемости без очень весомых причин.

Помимо ухода из жизни², это были, конечно, и обвинения в государственных преступлениях. Но их немного: арестованные по чисто политическим мотивам кн. В.Л. и В.В. Долгорукие (1730–1731), послушавшийся именного указа о приеме Камер-коллегии генерал-поручик А.И. Румянцев (1731), напрасно, как потом было доказано, заподозренный в «невозвратном убытке казне» бытности генерал-провиантмейстером С.И. Сукин (1733), Д.М. Голицын, пространный список «вин» которого в именном указе от 9 января 1737 г.³ начинался, кстати, презрением «должности сенатора» как «указов... и прав государственных хранителя», и «конфидент» А.П. Волынского гр. П.И. Мусин-Пушкин (1740).

Несколько увольнений в дополнение к перешедшим в Кабинет (к которым в 1735 г. присоединился и П.И. Ягужинский) вытекали из задействованности на форпостах против кочевников, в Малой России, стратегически важной для крупных войсковых операций, а также в них самих. Генерал-майор А.И. Тараканов в декабре 1730 г. был назначен к возведению Украинской линии, по которому (включая следствие о его «самовольствах») числился до 1739 г., ненадолго отбывая в Смоленск и к «калмыцким делам». Генерал-поручик кн. И.Ф. Барятинский должен был отправиться на Царицынскую линию и к тем же «калмыцким делам» в 1732 г., а после возвращения на год в Москву в 1735–1736 гг. – сменить умершего А.И. Шаховского, посланного к устройению Слободских полков и «малороссийским делам» в конце 1732 г. Все, как и отбывший из Петербурга весной

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 7. № 4 830, 4 892.

² Кроме умерших в 1730 г., практически не включившись в сперва не регулярную работу кн. И.Ф. Ромодановского, И.И. Дмитриева-Мамонова, кн. Г.Д. Юсупова и кн. М.М. Голицына-старшего, сенаторами скончались гр. И.Г. Головкин, И.В. Панин, Ю.Ю. Трубецкой и П.П. Шафиров.

³ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 10. № 7 151.

1733 г. непосредственно в армию Г.А. Урусов участвовали в Польском походе 1733–1734 гг., а он и А.И. Тараканов и в русско-турецкой войне 1735–1739 гг.

Примерно четырехлетние перерывы в сенаторстве тайного советника В.Я. Новосильцева и Г.П. Чернышева совпадают с поглощенностью первого, по старой кригс-комиссариатской специализации, реформированием снабжения вооруженных сил в середине 1730-х гг. и выключением второго из напряженной деятельности по отставке (по прошению) от московского губернаторства летом 1735 г. при том, что оба провели в аннинском Сенате в сумме по 8 и 7 лет. Остальные, кому по избранной авторитетнейшем биографом сенаторов Н.А. Мурзановым обобщенной формулировке было «повелено присутствовать в Сенате»¹, трудились, в зависимости от сроков назначения и собственной жизни, от 5 до 10 лет подряд. И картины не меняет даже крупнейшее с 1730 г. единовременное пополнение 2 (3) марта 1740 г. генерал-поручиком М.И. Леонтьевым и генерал-майорами И.И. Бахметевым, Н.И. Румянцевым, М.И. Философовым, М.С. Хрущовым и П.М. Шиповым. Постольку, поскольку вновь пожалованные, в противовес сопровождавшим острую придворную борьбу эфемерным назначениям ставленников «партий» (В.И. Стрешнев и Н.П. Салтыков 3 ноября и 10 декабря 1740 г., А.М. Пушкин, гр. П.С. Салтыков и кн. Я.П. Шаховской 18 сентября 1741 г.), не были «случайными людьми» или дебютантами в правительстве и не поколебали даже обычной численности сенатских присутствий в обеих столицах – 6–7: 3–4.

Столь очевидная стабильность на фоне убедительно прослеженной И.В. Курукиным динамики кадровых ротаций в верхних звеньях аппарата власти² выглядит весьма неожиданно, нуждаясь в изучении и осмыслении и заставляя пока ограничиться беглыми суждениями о качествах, обеспечивших именно этим людям укорененность в Сенате вопреки «дворским бурям». Но предварительно надо коснуться ее особенностей, вызванных присущим столетию раздвоением центральной администрации на петербургскую и московскую. Вырастая из вековой сориентированности на старую столицу региональных коммуникаций, оно было признано повелением 1722 г. о необходимости «на Москве» контор коллегий на началах отделений «для управления дел» и суда «присудных» им по их же указам.

Устраивавшаяся на аналогичных началах Сенатская контора обязывалась, по коституированному Генеральным регламентом верховенству Сената над обретающимися «под» его указами коллегиями, еще и к «дирекции» над коллежскими конторами³. Коррективы же в механизм такой модели – отступление от регулярной смены командированных в конторы членов «головного» учреждения, увеличение присутствий, а порой и «преимуществ» – вносились либо записками и лаконичными резолюциями (типа «быть») на каких-то полуофициальных «бумагах», либо просто явочным порядком.

Отсюда в значительной степени и сомнения отдельных ученых в статусе присутствующих в Московской Сенатской конторе 1730-х гг. Ведь из них бывшие там при «первоприсутствии» генерал-аншефа, л.-гв. подполковника и главнокомандующего в Москве гр. С.А. Салтыкова даже именовались, словами его утвержденного 9 июня 1733 г. донесения, «товарищами при сенатском члене» (назначенных в 1733 г. тайного советника С.Л. Вельяминова и генерал-майора А.И. Панина заменят 2 сентября 1735 г. как президентов Камер- и Ревизион-коллегий, «останавливающихся» из-за их «дел» в Конторе, чьи «дела» тоже нужно отправлять «всегда неотменно»)⁴. Тогда как некоторые продолжают думать, что «дробление» единого в 1730–1731 гг. Сената с

¹ Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов, 1711–1917 гг.: Материалы для биографий / Изд. подгот. Д.Н. Шилов. СПб., 2011. Везде.

² Курукин И.В. Указ. соч. С. 234–241.

³ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 6. № 3 887.

⁴ Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 558; ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 9. № 6 812.

переформатированием в 1733 г. Московского в Сенатскую контору и вовсе лежало в русле его изначального злонамеренного ослабления.

Против этих и сходных предположений свидетельствует в первую очередь содержательная однородность повседневных петербургских и московских сенатских «дел», предметом которых были: меры в обеспечение всевозможных сборов и повинностей (в т. ч. нарядов податного населения к ремонту дорог и военному судостроению); личные смотры отставных военнослужащих в аспекте годности к гражданской службе, отпуска «в дом» или «к пропитанию» в монастырь; заполнение вакансий и чинопроизводство в подведомственных органах; споры о наследстве и прямое завладение имениями и крепостными; их сыск и противодействие как натуральным разбоям, так и крестьянскими «непослушаниям»; наказания уголовных преступников; материальные поставки в армию; финансирование дипломатических миссий, кочевых «владельцев» и иных ординарных и неординарных денежных выдач, не исключая жалованья; крупная купеческая торговля; дворцовое, казенное и церковное строительство и т. д.

А также сопоставимость интенсивности функционирования, которая в Москве бывала и выше не по одному отсутствию двора и отдаленности Кабинета, но и по плотности контактов с «внутренними» губерниями и перебазированию (или восстановлению) таких социально мощных институтов, как Вотчинная коллегия или Сибирский, Судный и Сыскной приказы. В частности, в Петербурге в октябре 1732 г. было подписано 193 протокола, в марте 1735 г. – 190, в сентябре 1738 г. – 149, а в Москве в марте 1733 г. – 220, в июне 1735 г. – 274 и в октябре 1738 г. – 267¹.

Признавая Московское отделение, вслед за А.Н. Филипповым, «фактически вторым Сенатом»², полагаем и заседавших только там справедливым считать равноправными прочим сенаторам³, ссылаясь в дополнение на «букву закона» 1722 г. о направлении в конторы полноценных присутствующих (из-за чего не из всякого документа ясно, в какой столице служит данный член Вотчинной, Камер- или Юстиц-коллегии). Вместе с ними круг ставших сенаторами – если не всегда по искреннему желанию, то всегда с согласия Анны Иоанновны – достигает 38 чел., удержавшихся в этом качестве более года – 31, а служивших, в терминологии периода, «продолжительно и хорошо» (т. е. без серьезных срывов с 1730, 1732, 1733, 1735 и 1736 гг.) – 11. Это И.Ю. и Ю.Ю. Трубецкие, В.Я. Новосильцев, Г.П. Чернышев, А.И. Ушаков и С.А. Салтыков, а также тайные советники бар. П.П. Шафиров, гр. М.Г. Головкин, А.Л. Нарышкин, генерал-поручик М.Я. Волков и действительный статский кн. Б.Г. Юсупов, – группа, которую нелепо оценивать по происхождению или лояльности к царствующей императрице. Во всех сразу видно довольно близких сотрудников Петра или их сыновей, которые наряду с серьезным опытом Северной войны 1700–1721 гг., заграничных путешествий, участия в знаковых политических и административных акциях своего времени обладали бесценным опытом личного общения с гениальным монархом. Каковы были их собственный личностный масштаб и степень реализованности отпущенных талантов, судить сейчас почти невозможно.

Славой блестящего дипломата и руководителя Тайной канцелярии выделяются разве П.П. Шафиров и А.И. Ушаков, которые и в Вышнем суде 1736 г. по поводу «неправильного» решения «дела вдовы кн. Н. Кантемировой с пасынками ее» показали прекрасное знание действующего законодательства (прямо по § 12 «Должности» 1718 г.) и готовность отстаивать собственную позицию в его трактовке. Тогда как большинство

¹ Подсчеты и обзор осуществлены по: Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Кн. 2043, 2060, 2078, 2120, 7528, 7562.

² Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 558, 565.

³ Как и поступил, учтя их всех, Н.А. Мурзанов.

искало способов уклониться от ответственности¹. Тема разбора в заседаниях не столь резонансных «дел», как «кантемирово», развернутый при пересмотре которого процесс отложился в историческом сознании как суд над Д.М. Голицыным, практически не разработана. Зато немного, известное из нередко подававшихся сенаторами особых мнений и довольно многое, что просматривается в длинейших списках их «служб» нескольким самодержцам, целиком совпадает с высказанным от их имени взглядом на предназначенность Сената, определявшим их поведение относительно его членов.

Сенаторов ценили и даже, если исходить из материалов «кантемирова дела», по своему уважали. Принимали к сведению, как следует из множества их высочайше утвержденных докладов в «Полном собрании законов», самостоятельные «представления» и заключения по сторонним законопроектам, приглашали в Кабинет, а кого-то и на «приватные» совещания с императрицей. Но в них равным образом не видели непременных «тайных советников» в «собственных е. и. в. делах», как и сами они не стремились к политическому лидерству и не возражали против препоручения его «министрам», если те не пытались грубо вмешаться в сложную систему взаимного этикета. (Почему и М.Г. Головкин, претендовавший на компетентность в стратегии социально-экономического развития, искал удовлетворения своих амбиций вне Сената, в обернувшемся Сибирью «регентском» пребывании членом Кабинета и вице-канцлером «по внутренним делам»).

В итоге и возник, думается, чрезвычайно удачный баланс ожиданий верховной власти от призванных помогать ей в «государственных внутренних делах» и способностей этих призванных к их достойному осуществлению, что и обеспечило подлинное сосредоточение в Сенате «почти всего», позитивный потенциал которого не был исчерпан вплоть до Екатерины II.

Источники и литература

1. Бабич М.В. Суд над князем Д.М. Голицыным: 280 лет спустя // Петровское время в лицах – 2017. СПб.: Эрмитаж, 2017. С. 36–48.
2. История Правительствующего Сената за двести лет, 1711–1911 гг. СПб.: Сенатская тип., 1911. Т. 1. 665 с.
3. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерк политической истории послепетровской России. Рязань: Изд. П.А. Трибунского, 2003. 570 с.
4. Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов, 1711–1917 гг.: Материалы для биографий / Изд. подгот. Д.Н. Шилов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 735 с.
5. Опись именным высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII в. / Сост. П. Баранов. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1875. Т. 2. 994 с.
6. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны. Формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 г. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб.: Тип. II Отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 5–9, 42, 44.
8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Кн. 2043, 2060, 2078, 2120, 7528, 7562.

¹ Бабич М.В. Суд над князем Д.М. Голицыным: 280 лет спустя // Петровское время в лицах – 2017. СПб., 2017. С. 44.